

Автор в своей книге показал также и изменения, происходящие в жизни земледельцев и скотоводов после мирного освобождения Тибета. Он рассказал о работе лхасской сельскохозяйственной опытной станции и многочисленных ветеринарных отрядов в скотоводческих районах Тибета. Приводимые автором многочисленные факты говорят о том, что мероприятия Центрального народного правительства по оказанию помощи Тибету в деле экономического и культурного строительства встречают поддержку населения этого района. Займы, выпущенные Центральным народным правительством для развития земледелия, скотоводства и ремесленного производства, не только оказали благотворное влияние на увеличение производства и способствовали преодолению трудностей в хозяйственной жизни тибетцев, но и в известной мере подорвали позиции местных ростовщиков.

Вместе с возникновением первых промышленных предприятий и появлением первых рабочих-тибетцев, вместе с развитием культурного строительства появилась настоятельная потребность в подготовке кадров из среды самих тибетцев. Решению этой проблемы уделяется большое внимание. Как сообщает Уиннингтон, к 1957 году, по плану, не менее трех тысяч тибетцев должны были уже работать на различных участках экономического и культурного строительства. В Тибете проводится большая работа по развитию начального школьного образования. На примере лхасской начальной школы, где автор побывал, он дает интересные сведения о постановке дела начального образования. Такой же интерес представляют его сообщения о медицинском обслуживании населения, о первой в истории Тибета газете, о развитии радиовещания, о деятельности Комитета по делам издательства и переводов, о деятельности вновь созданных массовых общественных организаций Тибета.

Рецензируемая книга ценна тем, что она во многом построена на материалах, полученных автором как путем личных наблюдений, так и путем бесед с различными общественными деятелями Тибета, со служителями культа, с представителями различных слоев населения. Благодаря этому книга дает очень образную и яркую картину того, чем сейчас живет тибетский народ, картину новых для тибетского общества явлений и процессов.

Как подчеркивает в заключительной главе сам автор, он старается показать в жизни современного Тибета старое и новое, плохое и хорошее, неудачи и успехи, все то, что он сам видел и слышал за время своего пребывания здесь. В то же время Уиннингтон не делает каких-либо выводов, предоставляя это самому читателю. Но всем содержанием своей книги он сумел показать, что современный Тибет уже более не является далекой, таинственной страной, как любят называть его буржуазные авторы, что и он вступает на путь широкого экономического и культурного строительства.

Значение книги Алана Уиннингтона не исчерпывается только тем интересным фактическим материалом, который в ней содержится. Уже с конца XVIII в. Тибет привлекал внимание английских колонизаторов, которые не раз пытались там укрепиться. Особенно пристальный интерес к Тибету появился у англичан и у американцев после окончания второй мировой войны, когда делались попытки отторгнуть Тибет от Китайской Народной Республики и провозгласить его «независимость». Но, как известно, все эти попытки потерпели полный провал. Тем не менее, за последнее время появилось немало книг, особенно английских и американских авторов, где фальсифицируются некоторые моменты в истории Тибета и сообщается ряд ложных сведений об этой части Китайской Народной Республики. Особенно много таких книг появилось в западноевропейской и американской печати после мирного освобождения Тибета. Именно это имели в виду далай-лама и панчен-лама, когда они в беседе с Уиннингтоном выразили надежду, что он напишет правду о Тибете. Книга А. Уиннингтона, вышедшая в Лондоне, которая наряду с материалами о жизни тибетского народа после мирного освобождения дает также краткую справку об англо-тибетских отношениях в прошлом, безусловно, в немалой степени будет способствовать опровержению всех тех вымыслов, которые писались о Тибете, в особенности за последние годы.

Таким образом, книга А. Уиннингтона «Тибет» представляет собой знаменательное событие и в том отношении, что это, пожалуй, первая книга на английском языке, рассказывающая правду о современном Тибете, о национальной политике Коммунистической партии Китая, о жизни тибетского народа, вошедшего в братскую семью народов Китайской Народной Республики.

Эта книга представляет большой интерес для широких кругов советских читателей. Было бы целесообразно издать ее в ближайшее время на русском языке.

Ю. Журавлев

НАРОДЫ АФРИКИ

Aspects sociaux de l'industrialisation et de l'urbanisation en Afrique au sud du Sahara, Paris, 1956, 800 стр.

Африка — последний «колониальный континент». Но и на его карте одно за другим начинают появляться независимые государства. Ливия, Судан, Тунис, Марокко, Гана — вот перечень стран, сбросивших ярмо колониализма за последние годы. Успехи

национально-освободительного движения в Африке объясняются не только воздействием благоприятных для борющихся народов внешнеполитических факторов, но прежде всего экономическими и политическими сдвигами, имеющими место в самих колониях.

Хотя поток литературы по африканской тематике за рубежом довольно значителен, однако редко появляются исследования о происходящих ныне процессах разложения прежних укладов жизни народов Африки, об изменении социальных отношений в африканской деревне, о формировании пролетариата и другого городского населения. Между тем изучение указанных процессов представляется чрезвычайно важным, ибо оно позволяет лучше уяснить и понять сущность событий, развертывающихся сегодня на африканской земле.

В некоторой степени этот пробел в африканистике восполняется солидной работой Международного африканского института (Лондон), подготовленной по заказу ЮНЕСКО: «Социальные аспекты индустриализации и урбанизации стран Африки, лежащих к югу от Сахары».

Книга распадается на две части: в первой, большей из них, содержится обзор ряда работ по данной тематике, опубликованных в странах Запада до 1952 г.; во второй — помещены отчеты ученых, командированных в 1952—1954 гг. Международным африканским институтом в отдельные страны, расположенные южнее Сахары. Эти научные отчеты обсуждались на конференции специалистов по Африке, состоявшейся в Абиджане (Берег Слоновой кости) в 1954 году.

Почти все участвующие в данной работе авторы¹ не стремятся вникать в классовые отношения и делать какие-либо политические выводы, выступать с осуждением колониализма. Это достаточно говорит о характере их «объективности». Они лишь регистрируют факты, которые должны, видимо, помочь властям и предпринимателям использовать труд рабочих и предупредить возможные выступления африканских трудящихся против своих эксплуататоров. Тем не менее рецензируемая работа интересна тем, что в ней изложен большой фактический материал. И нередко приводимые факты, желали того авторы или нет, превращаются в обвинительный приговор колониальной системе империализма.

В работе в большей или меньшей степени рассматриваются проблемы социальных отношений в Западной, Восточной, Центральной и Южной Африке, т. е. на части континента, находящейся южнее линии: устье р. Сенегал — озеро Чад — устье р. Джиба (к северу от границы Кении), где, по примерным подсчетам, обитает 125 млн. людей из 220-миллионного населения Африки.

Подавляющее большинство этих 125 млн. человек и по сей день проживает в сельской местности, однако за последние годы наблюдается быстрый рост городов и поселков городского типа. Это явление типично для всего континента, но особенно для Западной, Центральной и Южной Африки. Население Лагоса за 25 лет утроилось и достигло в 1952 г. 250 тыс. человек, в Леопольдвиле — 244 тыс., в Найроби — 109 тыс., и т. д. К 1951 г. городское население Африки к югу от Сахары превышало 5 млн. человек.

Столь быстрое увеличение числа городских жителей не могло, разумеется, произойти за счет естественного прироста. Оно является результатом притока людей из сельских районов, принявшего широкий размах во всех без исключения областях Африки.

Чем вызывается бегство деревенских жителей в города? По мнению Дарилла Форда, это — следствие перенаселенности отдельных районов Африки и колебаний в спросе рабочей силы. Можно согласиться с тем, что развитие некоторых отраслей промышленности, строительство различных объектов, расширение плантационных хозяйств создают спрос на рабочую силу и способствуют росту городов, но вызывает возражение тезис о взаимосвязанности миграции и «перенаселенности». Дарилл Форд приводит в качестве примера Руанда-Урунди, где плотность населения составляет 75 человек на квадратный километр. Между тем эта плотность населения не так уж велика. В Европе и Азии имеется немало государств, где на квадратный километр приходится значительно больше людей, однако столь широкой миграции, как в Африке, там не наблюдается. Основная причина бегства населения из сельских районов в города заключается в том, что уровень развития производительных сил в деревне чрезвычайно низок, урожаи продовольственных культур малы, жители хронически голодают. Выплата налогов требует все больше и больше денег. Под давлением этих обстоятельств один или несколько членов семьи вынуждены идти на заработки в город, на шахты, лесоразработки, плантации с тем, чтобы помочь родственникам, оставшимся в деревне. Один из авторов — И. Шапера (I. Scharpera), исследовавший население городов Бечуаналенда, пишет: «Наиболее общая и, конечно, самая важная причина миграции — экономического порядка. Подавляющее большинство мужчин объясняют свой выезд за границу необходимостью уплатить налоги или купить одежду и другие товары (либо по обоим причинам сразу). Некоторые указывают в качестве единственной причины их ухода — бедность» (стр. 231).

¹ К.-А. Бусиа, И.-Х. Бекетт, Ж. Баланье, С. Комэр-Сильвен, М. Паркер, С. и Р. Софер, Ж. Вильсон и др.

Уход в города наиболее трудоспособной части деревенского населения (преимущественно молодых мужчин) тяжело отражается на состоянии экономики сельского хозяйства. В отдельных районах процент работающих на стороне чрезвычайно велик. В Бельгийском Конго, например, по переписи 1952—1953 гг. африканцы, покинувшие свои племена, составляют 21% всего населения. Четвертая часть их, т. е. около 500 тыс. человек, окончательно поселилась в городах и рабочих поселках. В провинции Катанга 47% африканцев-мужчин работают по найму, а в провинции Леопольдвиль — 53%. Оставшиеся в деревнях старики, женщины и дети не в силах хорошо обработать землю, поэтому и урожай получаются еще более низкие, а производство сельскохозяйственных продовольственных культур во многих районах значительно отстает от потребностей местного населения. В результате многие аграрные страны Африки вынуждены ввозить значительное количество продовольствия.

Этой стороны жизни африканского населения авторы касаются весьма бегло, уделяя основное внимание положению рабочего класса в городских центрах, вопросам того влияния, которое оказывают на вчерашних крестьян пребывание в городе и работа на предприятии.

Почти все африканские города молодые, и им присущи некоторые общие черты. Отмечается, в частности, численное преобладание мужчин над женщинами, что особенно характерно для Секонди-Такоради, Дуала, Леопольдвилля, Браззавилля, Найроби, Джинджи, городов Южной Родезии и Южно-Африканского Союза. Авторам, к сожалению, не удалось сделать точного подсчета населения городов по половому признаку, однако справедливость подобных утверждений не подлежит сомнению. Как отмечается в книге, «рабочие не в состоянии взять свою семью в город, поскольку зарплата и жилая площадь или то и другое вместе взятое недостаточны» (стр. 238).

В африканских городах сравнительно мало и детей. Мужчины, уходя в город, берут с собой иногда лишь мальчиков старшего возраста. Низкий жизненный уровень не позволяет рабочему держать при себе ребенка. Детей, родившихся в городах, обычно отправляют на воспитание в деревню.

Среди жителей африканских городов невелик процент лиц старше 55 лет. В Стенливиле, например, мужчины и женщины в возрасте от 16 до 45 лет составляют 61,1% всего населения, а свыше 55 лет — только 4,6%. Это понятно. Старики предпочитают оставаться в деревне. Им не только сложнее привыкнуть к новому образу жизни, но и гораздо труднее найти работу на стороне.

Характерными для африканских городов являются также отношения, поддерживаемые их жителями с родной деревней и своими родственниками и соплеменниками. Связи города и деревни не основываются сегодня на силе обычаев. Скорее они вызваны экономической необходимостью. «Ненадежность заработка и мобильность населения — вот две взаимосвязанные причины, объясняющие, почему связи с родной деревней остаются еще сильными» (стр. 531). Находящийся в городе член семьи обычно помогает тем или иным способом оставшимся в деревне, однако нередко случался, когда, потеряв работу и не имея средств к существованию, африканец снова уходит в родные края. Значение этих экономических связей лучше можно было бы оценить, зная размеры денежных переводов в деревню и стоимость вспомоществования в «натуре» (посылки, подарки, передачи и пр.), однако авторам не удалось этого сделать, за исключением отдельных районов. В г. Брокен-Хилл, например, рабочие-африканцы отсылают родным около 10% своего заработка, а 7,2% его откладывают, чтобы израсходовать после своего возвращения в деревню (стр. 173). Так, видимо, обстоит дело и в других городах Африки. Обследование показало, что в г. Дурбан, на заводе Дунлоп, женатых рабочих насчитывалось 60%, но из них только 4,8% жили в городе с семьями (стр. 225). 88% занятых на заводе африканцев посылали часть своего заработка в сельскую местность. В г. Джинджа (Восточная Африка) деньги на родину посылают 71,2% рабочих (стр. 163), и т. д.

Что же касается родоплеменных связей между жителями городов, то, как отмечают многие авторы, они почти совершенно утратили свое значение. Особенность работы по найму, когда упор делается на каждого отдельного индивидуума, как правильно замечает один из авторов, вырывает «экономическую основу» у родоплеменных обычаев. Патриархальная семья перестает быть экономической единицей. Р. Софер (R. Sofer) пишет: «Большая патриархальная семья несовместима с образом жизни в городских промышленных центрах» (стр. 659). Большой семьей трудно жить не только вследствие нехватки жилищ, разъясняет Софер, но и потому, что невозможно устроиться на работу всем ее членам на одно и то же предприятие. Различие же профессий, неодинаковый уровень зарплат затрудняют совместное проживание.

В ряде областей континента, особенно в Восточной Африке, колониальные власти, стремясь усилить контроль над африканским населением, искусственно поддерживают «традиционные институты» А. Саутхолл (A. W. Southall), изучавший социальные отношения в Кампала (Уганда), отмечает, что расовые группы в этом городе (европейцы, азиаты, африканцы) ведут замкнутую жизнь и мало общаются между собой. Раздувание национальной и межплеменной розни, содействующее укреплению отношений между представителями родственных племен, отвечает интересам колонизаторов. «Без этой солидарности (родственных племен. — Н. Г.), — пишет А. Саутхолл, одобряющий подобные порядки, — трудно представить себе, как можно было бы добиться от этих масс трудящихся, в значительной степени неграмотных и некавалифицированных, а с другой стороны, мало приученных к требованиям городской жизни,

минимума дисциплины и необходимого согласия» (стр. 595). Как видно, старый принцип римлян «разделяй и властвуй» и по сей день состоит на вооружении колонизаторов.

В административном отношении гор. Кампала разбит на коммуны, а последние — на кварталы. Шефы коммун назначают обычно квартальными «наиболее способных» (т. е. наиболее подходящих) представителей преобладающего в данном районе племени. Практика показывает, что, используя свое служебное положение, квартальные часто совершают различные злоупотребления, на которые колониальные власти закрывают глаза. Сам Саутхолл подчеркивает, что деятельность квартальных можно было бы охарактеризовать как «переход» от традиционной системы подарков, которыми оплачивается оказанная услуга, к современной практике коррупции» (стр. 599). Квартальные играют важную роль в сборе налогов, «поддержании порядка», в качестве арбитров и так далее.

«Традиционными институтами» можно считать также племенные ассоциации, используемые властями и предпринимателями для организованного набора рабочей силы и контроля над африканцами. В Кампала, например, имеются ассоциации племен луо и гишу, в Стенливиле созданы «ассоциация женщин деревни Иялу», «ассоциация Азанде территории Дунгу» и другие.

Попытки колониальных властей сохранять подобные «институты» обречены на неудачу. В работе говорится о том, что племенные ассоциации встречаются ныне редко. Гораздо более широкое распространение получают в городах Африки ассоциации, деятельность которых носит экономический, просветительный, религиозный, спортивный или политический характер. Это — новое явление. Быстрый рост за последние годы числа ассоциаций дал повод И. С. Митчеллу (I. C. Mitchell) говорить о «необычайной развитости» у африканцев «инстинкта объединения». Митчелла это, кажется, несколько удивляет. Между тем пробуждающееся самосознание подсказывает африканцам, что только в условиях сплоченности и единства может быть успешной их борьба против общего врага — колониализма. Пусть эти ассоциации африканцев еще незрелы, однако они представляют собой проявление национального самосознания, и это сказывается во всех сферах общественной жизни. Большую роль играет в ассоциациях африканская интеллигенция. Многие африканцы состоят одновременно в нескольких ассоциациях.

Р. Мерсье (R. Mercier) на основе опроса 1231 чел., проживающих в городах Сенегала, приводит цифры, подтверждающие высокую политическую активность африканской интеллигенции (см. таблицу).

Степень участия в ассоциациях различных категорий африканцев по данным опроса в Сенегале (в %)

	Ассоциации		
	политические партии	профсоюзы	культурные организации
Чернорабочие	63	50	6
Рабочие	50	52	10
Лица свободных профессий	54	78	50
Коммерсанты	60	—	8
Низшие чиновники и служащие	56	61	18
Высшие чиновники и служащие	50	65	24

Из таблицы видно также, что стремление к участию в политических партиях и профсоюзах растет даже среди наиболее отсталой в культурном отношении категории городского населения — чернорабочих.

Данные Мерсье нельзя, конечно, распространять на другие районы не только Африки, но и Сенегала. Мерсье обследовал лишь наиболее развитую в экономическом и политическом отношении область Дакара — Сен-Луи-Тиеса. Процент рабочих, участвующих в ассоциациях по всей Французской Западной Африке, без сомнения, значительно ниже. Тем не менее очевиден быстрый прогресс африканских трудящихся в осознании ими необходимости политической организации для успешной борьбы против колониализма.

Большинство опрошенных 1231 чел. составляют выходцы из крестьян: среди чернорабочих их 80%, среди рабочих и ремесленников — 40%, среди лиц свободных профессий — 21%. Это свиде-

тельствует о расслоении пришедшего в город африканского крестьянства на различные социальные группы. По мнению Мерсье, эти группы «не являются социальными классами, а лишь имеют тенденцию стать ими» (стр. 551). Думается, что здесь Мерсье допускает ошибку. В настоящее время и в африканской среде существуют классы, несмотря на то, что колониальный гнет, нивелирующий в известной степени условия жизни всех африканцев, замедляет дальнейшее развитие классов.

Формирование национальной буржуазии происходит теперь на всех территориях Африки с большей или меньшей интенсивностью. Вопреки фактам, ссылаясь на «неразвитость» африканцев, на неспособность их включиться в темп «современной экономической жизни», Ж. Маленгро (G. Malengreau) пишет, будто «нормы денежного обращения слишком чужды (африканцам. — Н. Г.), чтобы за несколько лет они могли их усвоить» (стр. 677). Можно напомнить автору, что денежное обращение имело место на территории Африки еще задолго до появления там европейцев. Правда, несколько

ниже Маленгро вынужден был признать, что развитию национального капитала препятствуют в действительности ограничения колониального режима, которые он именует «патернализмом». «Патерналистское вмешательство и опека,— пишет он,— означали смерть всякой инициативе аборигена и поддерживали инертность традиционных властей» (стр. 678).

Несмотря на рогатки колониального режима, буржуазия продолжает крепнуть и развиваться. Е. Хелман приходит к выводу, что в настоящее время в странах Африки среди местных жителей появилась довольно значительная прослойка торговцев, промышленников, лиц свободных профессий и пр., которые «в состоянии приобретать автомобили, мебель, радио. Одно обладание этими предметами,— замечает Хелман,— создает их владельцам соответствующий престиж» (стр. 796).

Авторы рецензируемого издания не сумели достаточно глубоко осветить проблему формирования класса национальной буржуазии. Им не удалось, в частности, определить размеры капиталовложений, производимых африканцами, долю местных торговцев во внутреннем торговом обороте каждой страны, что позволило бы судить о степени вовлечения африканских колоний в орбиту капиталистических отношений.

Больше уделено внимания в книге вопросам формирования рабочего класса. Мы не найдем, правда, в ней исследований о социальном значении возникновения африканского пролетариата или об этапах его борьбы против колониального режима. Здесь сказалась занятая авторами концепция «невмешательства в политическую область». Однако данная в книге характеристика рабочего класса ряда стран Африки достаточно ясно показывает, в каких условиях приходится трудиться и бороться африканскому пролетариату.

В послевоенные годы численность рабочего класса возрастает в странах Африки весьма быстро. В Северной и Южной Родезии, где имеется развитая горнодобывающая промышленность, в 1949 г. по найму работали 17—18% африканцев. В Бельгийском Конго число мужчин, работавших по найму, достигало в 1953 г. 1 млн. человек (10% всего населения страны). В Кении в 1949 г. имелось 400 тыс. наемных рабочих (8% населения), в Танганьике — 500 тыс. (6%). В Западной Африке пропорция работающих по найму по отношению ко всему населению несколько ниже: на Золотом Берегу (1948—1949 гг.) — 3%, в Сьерра-Леоне (1948 г.) — 4%, в Нигерии (1948 г.) — 1% и так далее.

Африканский пролетариат еще молод. Он не накопил достаточного опыта борьбы с эксплуататорами, не научился еще искусству организации, не оторвался окончательно от родоплеменной среды. Подавляющее большинство рабочих неграмотно. Всем этим объясняется, почему колонизаторам и по сей день удается жестоко эксплуатировать африканский пролетариат, не встречая пока серьезного сопротивления.

Один из авторов сборника, Нелли Ксидиас, прямо пишет, что в Бельгийское Конго приезжают люди «заработать деньги самыми простыми и самыми быстрыми средствами» (стр. 308). Скупые строки Ксидиас скрывают за собой подлинную трагедию африканского труженика. Что значит человеческая жизнь для ловкого дельца, приехавшего из Европы в африканскую страну на полтора-два года, чтобы сколотить состояние? Африканцы для него — всего лишь орудие извлечения прибылей. По таким дельцам равняются местные предприниматели-европейцы.

Безжалостная эксплуатация африканцев предполагает организацию системы принудительного труда. Пожалуй, наибольшего «совершенства» эта система достигла в Бельгийском Конго. Законы страны запрещают африканцам перемещаться за пределы места проживания без паспорта, что безусловно стесняет возможность сельского жителя подыскать себе подходящую работу. Этим широко пользуются агенты бюро по найму рабочей силы. С помощью хитрости и обмана африканца заставляют заключить контракт о вербовке его на работу. За каждого завербованного агенты получают от предпринимателя солидный куш. Директор одного из процветающих бюро в районе Бунья берет, например, с головы по тысяче франков. Завербованный обязан проработать на предприятии минимум три года. Если он самовольно, до истечения срока контракта, покинет работу, то его рассматривают как дезертира и при поимке возвращают обратно.

Не намного лучше положение работающего по вольному найму. В этом случае рабочий имеет право уйти с работы, предупредив предпринимателя за 15 дней. Но, как свидетельствует Нелли Ксидиас, часто предприниматель злоупотребляет своей властью, отказываясь сделать отметку в трудовой книжке, без чего африканец не может быть принят на работу в другом месте. «Многие из малоразвитых туземцев,— пишет она,— не смеют настаивать, когда белый сказал: «Нет, ты должен остаться» (стр. 314). В то же время хозяин нередко без всякого предупреждения увольняет рабочего, если тот почему-либо не подходит ему. В Бельгийском Конго существует даже специальное Бюро местной рабочей силы, контролирующее перемещение трудящихся, где собраны карточки с отпечатками пальцев всех рабочих-африканцев. Бюро имеет свои отделения на местах, что дает ему возможность «знать в любой момент, где находится каждый трудящийся» (стр. 315).

Таковы рабовладельческие порядки в «образцовой колонии» — Бельгийском Конго. Эта всеобъемлющая система контроля рабочей силы целиком отвечает интересам монополий, нуждающихся во все большем количестве рабочих.

Оплата труда африканцев в Бельгийском Конго фактически не регламентируется. В 1949 г. властями колонии был установлен минимум заработной платы, «выше кото-

рого поле для достижения согласия между сторонами свободно» (стр. 316). Но на деле заработок африканцев никогда не поднимается выше минимума, наоборот, он значительно ниже. В Стенливиле, например, «теоретический минимум» был установлен в 12,56 франка в день, а выплачиваемая заработная плата не превышала 8,4 франка (стр. 317).

Какой уровень жизни обеспечивает африканцу минимум заработной платы? Нелли Ксидиас пишет: «Холостой конголез, работающий по минимальному тарифу, еще далек от возможности жить прилично. Что говорить о человеке, имеющем на иждивении семью?» (стр. 317). Монополисты забирают в свою пользу не только прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта.

С различными доплатами заработная плата африканского рабочего в Стенливиле колеблется от 489 до 1022 франков в месяц. Нелли Ксидиас, касаясь этих данных, заявляет: «Неоспоримо, что покупательная способность обычного рабочего еще совершенно недостаточна, чтобы обеспечить хорошее питание и приличную жизнь в городском центре» (стр. 320). «Мягкие» выводы Ксидиас не отражают и десятой доли тех трудностей, которые приходится переживать рабочим-африканцам.

Особо стоит в странах Африки проблема женского труда. Многие африканские женщины занимаются торговлей. Большая часть их занимается мелкой розничной торговлей и перепродажей продовольственных товаров, скупаемых в окрестностях городов. На этих операциях им удается заработать в течение дня по несколько франков.

Многие женщины, несмотря на запрет, предписанный обычаем, стремятся поступить на производство. Однако это удается лишь некоторым. В январе 1953 г. в Стенливиле имелось всего лишь 110 работниц (на 22 тыс. лиц наемного труда). Больше половины из них были заняты на табачной фабрике. Любопытно, что когда дирекция фабрики объявила о наборе работниц, явилось по несколько десятков женщин на каждое место. Это свидетельствует о желании женщин иметь твердый, обеспеченный заработок. Вовлечение женщин в производство имеет положительную сторону: оно способствует их духовному развитию, делает их экономически независимыми в семье. Но самое главное заключается в том, что женщины Африки получают возможность принимать более активное участие в рабочем движении.

Чтобы помешать трудящимся бороться за свои права, колониальные власти наряду с применением прямых репрессий стараются взять под свой контроль все африканские организации и особенно профсоюзы. Организация профсоюзов, охватывающих рабочих всего Бельгийского Конго, будь то по профессиональному или территориальному признаку, не разрешается. Запрещены смешанные профсоюзы «белых» и «черных». Деятельность созданных профессиональных объединений находится, как правило, под неослабным контролем администрации так называемых «местных комитетов трудящихся», члены которых назначаются губернаторами провинций. Все это преследует цель раскола рабочего движения в Бельгийском Конго.

Авторы рецензируемой работы, по существу, оправдывают мероприятия колониальных властей, заявляя, что трудящиеся Конго будто бы «еще не созрели до профсоюзной идеи» (стр. 323).

Безучастное отношение к профсоюзам со стороны африканцев, на что сетуют авторы, объясняется не «низким культурным уровнем туземцев», а тем, что африканцев не привлекают желтые профсоюзы, создаваемые под эгидой колониальных властей.

Там же, где профсоюзы борются за интересы своих членов, они пользуются огромной популярностью среди трудящихся. «Африканский союз горнорабочих» (African Mine Workers Union — Северная Родезия), существующий с 1949 г., объединяет, например, несколько тысяч человек. Его члены, заявляет Митчелл, рассматривают свой профсоюз «как единственное оружие, которым они могут пользоваться для улучшения своего социального и профессионального положения» (стр. 772).

Профсоюзы борются не только за экономические интересы рабочих. Они превращаются в орудие борьбы против колониального режима и порожденных им зол: социального и расового неравенства, репрессий и т. п. Тот же Митчелл пишет: «По мере того как профсоюзы становились более сплоченными и сильными, они мало-помалу начинали выражать общие политические требования трудящихся» (стр. 773). Это обстоятельство внушает страх колонизаторам, которые всеми мерами пытаются препятствовать разрыву профсоюзного движения в Африке.

В целом книга «Социальные аспекты индустриализации и урбанизации стран Африки, лежащих к югу от Сахары» представляется, несмотря на тенденциозность подхода ряда авторов, ценным пособием для изучающих современное положение африканских трудящихся. Огромное количество цифр и фактов, приведенных в работе, требует, конечно, анализа, проверки, обобщения. Однако несомненно, что собранный в книге фактический материал, проливающий свет на некоторые стороны жизни народов Африки, поможет во многом уяснить происходящие ныне процессы распада общинно-родового строя и формирования в Африке трудящихся классов, призванных сыграть решающую роль в сокрушении колониальной системы империализма.